

ГЛАВА 1

В дверь звонили, но Рита, забравшись под одеяло, не собиралась никому открывать. Она слишком устала, чтобы принимать кого бы то ни было. Это не мама, не Ната и, конечно, не Марк, все они знают, что она сегодня ни для кого не доступна, все предупреждены... Ей надо хорошенько выспаться, чтобы завтра, в день ее свадьбы, выглядеть свежей и отдохнувшей. Кто бы мог подумать, что на подготовку свадебного ужина и прочие приятные вроде бы мелочи уйдет так много сил и нервов.

Но звонивший явно не собирался уходить. Рита уже чувствовала, что этот визит может быть связан с Марком, с его ужасной работой, а потому злилась и на себя — она не успела еще привыкнуть к тому, что ее жизнь теперь наполнится криминальными тенями, тянущимися из толстых папок, аккуратно сложенных в сейфе Марка Александровича

Садовникова, ее жениха, следователя прокуратуры. Убийства, изнасилования, исчезновения людей и снова убийства... До встречи с Марком она и понятия не имела, что в городе совершается так много убийств.

«Я сейчас сама стану убийцей!»

Она встала, набросила вязаную кофту, доходившую ей до щиколоток, завернулась в нее, как в одеяло, и, тряхнув волосами, словно сбрасывая с себя остатки дремы, пошла открывать. Или хотя бы посмотреть в глазок.

— Ба, Леня! — воскликнула она и сразу же поймала себя на том, что еще не так давно она радовалась вот так же, с таким же восклицанием встрече с Леней Переваловым... Но теперь его нет, он погиб. Сейчас она видела перед собой его тезку, и тоже ужасно обаятельного, Леню Масленникова. Вот уж кого она действительно не ожидала увидеть на пороге своей квартиры, так это его, Ленечку. Когда-то, несколько лет тому назад, он овдовел и сделал Рите предложение, но она его со смехом отвергла. Не смеяться было невозможно, потому что она никак не могла взять в толк, с какой стати он пришел с цветами и кольцом именно к ней, ведь у них и романа-то никакого не было.

Так, встречались то у Перевалова, то у Вальки Нежного, ездили на Волгу на шашлыки, а однажды даже всей компанией отправились на машинах на море... Ну да, он был влюблен, но разве для замужества этого достаточно? А как же она? Ее чувства не в счет? Поэтому и расхохоталась прямо ему в лицо... Сначала Леня обиделся, долго не появлялся в ее мастерской, даже не звонил, но потом отошел, завел себе какую-то официанточку, успокоился, хотя потом так же быстро, говорят, с ней и расстался... И снова они с Ритой стали встречаться у общих знакомых, словно и не было букета, кольца и предложения руки и сердца.

И вот теперь он стоял перед ней, красивый сорокапятiletний холеный мужчина, во всем белом, роскошном, но выглядел почему-то невеселым, растерянным... Светлые волосы его были растрепаны, а голубые глаза смотрели с надеждой. И Рита сразу же расстроилась. Она поняла, что он на этот раз пришел не к ней, а к Марку, что у него, видимо, случилась беда...

— Проходи, Ленечка. У тебя все в порядке? — спросила она, с трудом скрывая разочарование.

— Да... — как-то неуверенно ответил он и вошел, потянул носом воздух, закрыл глаза и покачал головой. — Я так давно не был у тебя, Рита... Этот запах красок, холстов... Ты работаешь или погрязла в бытовых делах? Говорят, ты сильно изменилась...

— Я работаю. Только позавчера продала два своих натюрморта, жаль, что ты их не увидел... Но у меня есть снимки... Хочешь посмотреть?

— Как-нибудь потом, хорошо? Ты не обижайся...

Влип, значит, во что-то, раз отказывается даже из вежливости посмотреть на ее работы. Не то, что прежде... Притащился, чтобы просить о помощи. Для начала скажет, что хочет познакомиться с Марком... Вот черт...

— Чаю? Кофе? — Тон ее стал холодным, она так и не смогла справиться со своим раздражением. И зачем только открыла дверь?

— Если можно, водочки...

Она удивилась. Неужели этот преуспевающий воротила, владелец многочисленных аптечных складов, чего-то боится? Именно страх она прочла сейчас в его глазах... И это странное для него, любителя хорошего вина, желание выпить водочки...

— Рита, ты помнишь тот портрет Катюши, который ты писала... Она там прямо как живая... — Лицо его внезапно порозовело, хотя водку он выпить еще не успел. Рита поставила перед ним, нервно сидевшим на стуле в гостиной, тарелку с салатом, за водкой надо было идти на кухню.

С чего это он вспомнил про портрет? Она действительно несколько лет тому назад написала портрет его дочери — тогда ей было лет четырнадцать, — хорошенькой кудрявой девочки с огромными карими глазами и пышными русыми волосами. Сейчас ей, вероятно, девятнадцать... Это был заказ, и Рита была щедро вознаграждена за свою работу. Леня вообще любил делать широкие жесты, а тогда он просто осыпал ее деньгами... Но и портрет, надо сказать, удался. Катюша, залитая солнцем, сидела на веранде в нежно-лиловом шелковом платье за столом, накрытом белой скатертью, перед блюдом со сливами и была похожа на принцессу. Портрет так и назывался: «Девочка со сливами».

— А почему бы и нет?! Есть же портрет девочки с персиками... — заливался возбужденно, радостно счастливый отец, любясь на жирно поблескивающий свежими чисты-

ми красками огромный портрет любимой дочери. — Сливы так и хочется скушать, а про Катьку я вообще молчу, это просто шедевр... Рита, ты — гений!

Она и сама знала, что гений. Да только работу свою ей было почему-то жаль отдавать. Катя Масленникова на самом деле смотрела с портрета как живая, настоящая...

— Я помню этот портрет, это одна из моих самых любимых работ, — сказала Рита спокойно, еще не зная, о чем будет идти речь, а потому заранее готовя себя к тому, что упоминание о портрете — лишь вступление перед настоящей серьезной просьбой, адресованной ее жениху, Марку Садовникову. — Надеюсь, ты не собираешься заказать мне свой собственный портрет?

Масленников как-то неопределенно пожал плечами, словно ему и в голову пока еще не приходила эта мысль. Хотя почему бы и нет?

— Рита, сядь и выслушай меня.

Когда она налила ему водки и пододвинула блюдо с нарезанной ломтиками семгой, он протянул руку и накрыл ею маленькую изящную кисть Риты. Словно поймал ее. И сжал.

— Ты ведь помнишь этот портрет, да?

— Леня, ну, конечно, я помню этот портрет. Но в чем дело? — она начала раздражаться.

— Кате было тогда тринадцать с половиной лет... Она была чудо как хороша... А платье? Ты помнишь ее платье? Какого оно было цвета?

— Темно-голубого, нет, скорее лилового. Шелковое красивое платье для красивой девочки... Оно очень шло ей...

— И румянец... ты помнишь? — Леня придвинулся к Рите и еще крепче сжал ее кисть. — Румянец во всю щеку... нежная кожа словно влажная, блестит от чистоты... Нет, это слово не подходит... Кожа словно просвечивает... Прозрачная, нежнейшая... Розовая... Так?

— Послушай, да что с тобой? Почему ты вспомнил этот портрет?

— Да потому, — лицо Масленникова как-то вытянулось, побледнело, а рот его обмяк, — да потому, что сегодня утром я встал и увидел, что на портрете произошли изменения... Да-да, я не шучу... Платье на Кате черное, такой глубокий черный цвет, какой бывает у бархата, а лицо... Лицо повзрослев-

шее, но... оно не живое, понимаешь? Глаза закрыты, словно она — мертвая... Вот такие дела, Рита...

— Послушай, Леня. Или ты пьян и несешь чушь, или же у тебя не в порядке с мозгами... Я точно помню, что платье на Кате было лилового цвета и лицо — живее, что называется, всех живых... И не морочь мне голову! Я уже поняла, ты пришел ко мне потому, что от кого-то узнал, что я выхожу замуж... Быть может, ты решил просто потрепать мне нервы?

— Смотри сама... — Масленников с готовностью достал из кармана мобильный телефон и через некоторое время нашел нужный снимок. — Вот, час тому назад я снял этот портрет... Смотри, узнаешь?

Рита поднесла телефон поближе к глазам, чтобы получше рассмотреть снимок. Да, Леня был прав, это был действительно тот самый портрет... Но платье на девочке было черного цвета, а лицо... (Она увеличила снимок.) Лицо тоже изменилось. И глаза закрыты...

— Ты хочешь сказать, что в твое отсутствие кто-то покуражился над моей работой?

— Я тоже так подумал. Но уж больно хорошая работа! Чистая. И краска высохла. Не

видно, чтобы что-то там грубо подмазывали, подправляли... Да и как можно подправить все лицо?

— Я хочу взглянуть на этот портрет... Немедленно! И, если увижу, что это на самом деле моя работа, над которой поглумился какой-то мазила, мы сможем обратиться в милицию... Вот только не понимаю, кому бы это могло понадобиться... А Катя? Она видела этот портрет?

— Да при чем здесь Катя? Ведь изменился сам портрет, а не Катя...

— Ты совсем заморочил мне голову. Но уж слишком все странно, чтобы не посмотреть... Подожди меня здесь, я быстро...

Она даже не позвонила Марку, не предупредила о том, куда едет, решила, что скоро вернется и все равно поспит, даже если будет уже вечер... Было бы странно позвонить Марку и сказать, что она отправляется в такой день («Умоляю вас всех, ради бога, не звоните мне, не приходите ко мне, мне надо выспаться и побыть наконец одной, я же замуж выхожу!») к несостоявшемуся жениху домой, чтобы взглянуть на изменившийся портрет... Произнесенная вслух последняя фраза просто резала слух, но все равно не

производила должного эффекта. Он бы все равно не понял...

А спустя час она, стоя раздетой (голой!) в квартире Леонида Масленникова, в одних туфлях, дрожащая от холода и нервного озноба, под дулом пистолета пыталась отказаться надеть на себя свадебное платье. Белое, очень красивое платье, расшитое искусственным жемчугом и украшенное тонкими кружевами, было разложено на кровати и напоминало разметавшуюся во сне женщину.

— Зачем ты заставил меня раздеться догола? Зачем тебе мое белье? Куда ты его спрятал?!

— Я купил тебе новое. Поверни голову, и ты все увидишь...

Она медленно повернула голову и увидела перед собой, в который уже раз, портрет дочери Масленникова. Он не лгал, когда говорил, что на Кате черное платье, да и лицо выглядит повзрослевшим и неживым.

— Сколько ты заплатил, чтобы тебе это сделали? — глухо спросила она, давась от злости. — Зачем ты морочишь мне голову?

— Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой. А портрет — это всего лишь уловка, чтобы ты сама захотела прийти ко мне

в спальню... Заметь, ты и в машину села сама... Ну же, Рита, одевайся... Возьми с кресла белье, надень платье и туфли, через четверть часа регистрация...

— Да ты рехнулся, старый козел! Неужели ты думаешь, что я действительно надену это платье?

— А чем оно тебе не нравится?

«Такого не может быть... Не может!.. Почему я стою раздетая перед этим сумасшедшим? И как я могла поверить, что он выстрелит в меня, если я откажусь снять с себя одежду? Но раз я здесь и вся история придумана этим идиотом, чтобы заманить меня сюда, значит, он ненормален, следовательно, я должна его бояться... И, если бы я не разделась, он бы выстрелил в меня... А мне надо быть живой. Для Марка! Ведь у нас с ним завтра свадьба...»

— Рита, не стой, замерзнешь... Одевайся.

— Отвернись.

— Об этом можешь не просить...

Она взяла с кресла пакетик, достала оттуда бюстгальтер, быстро надела, поражаясь тому, что он пришелся ей впору. Потом — трусики, пояс, белые чулки... Леня не сводил с нее глаз.

— Леня, у меня муж — следователь прокуратуры. Он сделает из тебя фарш!

— Это из тебя он сделает фарш, когда узнает, что ты замужем и вышла замуж за день до вашей с ним свадьбы...

В спальню без стука вошла женщина и, не глядя на Риту, положила на столик красную лакированную папку, раскрыла ее:

— Распишитесь.

— Леня, что происходит?

— Эта женщина работает в ЗАГСе, неужели не понятно? Расписывайся...

— Не буду.

— Тогда я застрелю вас обоих. У меня уже нет выхода.

— У тебя все равно нет выхода. То, что ты натворил, не пройдет для тебя бесследно. Тебя или посадят, или отправят на принудительное лечение... Пока не поздно отпусти меня, и я постараюсь все это забыть...

Он подошел к ней и приставил пистолет прямо к виску.

— Расписывайся!

— Неужели ты так любишь меня?

— Да, я именно *так* тебя люблю... Когда-то ты посмеялась надо мной, над моими искренними чувствами... Теперь — моя очередь...

— Предположим, я распишусь, что дальше?

— Ты становишься официально моей женой. И своему следователю ты уже не достанешься...

— Но это фиктивный брак...

— Главное, что я сорву твою свадьбу...

Она вдруг с легкостью подумала, что в конечном счете Марк ее простит и поймет, когда узнает, что с ней произошло... А Леня будет наказан. И жестоко. Да и кто такая эта тетка? Почему Рита должна верить, что она из ЗАГСа?

— Не сомневайся, все официально... Расписывайся, у меня кончается терпение...

Она подошла и расписалась. Поставила какую-то загогулину.

— Все? Теперь я свободна?

— Да. Абсолютно.

Женщина вышла из спальни, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Отдай мне мою одежду.

— Ты прекрасно одета. Вот так и иди к своему прокурору...

— К следователю...

Она выбежала из квартиры сумасшедшего Масленникова и бросилась прочь от его дома, остановила такси и добралась домой, когда уже стемнело. В окнах горел свет. Марк

был дома. Она едва поднялась на ослабевших ногах к себе на этаж, толкнула дверь, она распахнулась, и Рита упала прямо в объятия Марка.

— Марк... Ты не представляешь себе, что со мной произошло...

Она что-то ему объясняла, кричала, с ней сделалась истерика, но Марк молча смотрел на нее и думал, казалось, о своем... Потом, словно очнувшись, спросил:

— Почему ты не предупредила меня, что вышла замуж?.. В ресторане закуплены все продукты, цветы, заказаны музыканты... Ты захотела выставить меня дураком? Чтобы все наши гости посмеялись надо мной?

— Марк, прости, прости меня, но кто знал, что так получится... Он обыкновенный сумасшедший...

— Кто-то звонит, я пойду открою...

— Не открывай, это, должно быть, он, у него пистолет, он очень опасен! Марк, стой! В дверь продолжали звонить...

...Рита подскочила на постели и судорожным движением вцепилась в одеяло. Она была вся мокрая от пота. Ее трясло. В дверь действительно звонили.

— Марк! — закричала она что было сил. — Марк!!!

Звонки продолжались. Она, полуголая, бросилась к двери. Если это Масленников, значит, она сошла с ума...

Но это была сестра Ната. Она буквально ввалилась в прихожую и упала на Риту. Лицо ее было белым, как мел.

— Ритка, я убила своего любовника!

— Этот сюжет уже был, если помнишь, с моей подругой Вероникой, придумай что-нибудь пооригинальнее...

— Это не сюжет, Рита, это жизнь... Я убила человека! Сама! Это не неизвестно как и кем убитый мужчина, а мой любовник... И убила я его хрустальным кувшином. Он лежит и не дышит.

— Кто? Кувшин? — усмехнулась Рита.

— Нет, говорю же! Любовник... Я даже пудреницу ко рту подносила... Зеркало не затуманивается... Понимаю, что тебе не до меня, ты завтра замуж выходишь...

— Ущипни меня... Ты мне тоже снишься?

— Если бы... — Ната вяло ущипнула Риту. — Ну как? Спишь? И ты тоже ущипни меня...

— Проходи, садись и рассказывай... —

Рита перевела дух и заперла дверь на все замки. Она так и не поняла, зачем ей показали этот длинный и ни с чем не сравнимый сон...

ГЛАВА 2

Тело девушки нашли в посадках, неподалеку от Кумысной поляны. Как всегда, случайно. Мужики тянули старый кабель, сворачивая его в тяжелое кольцо, чтобы потом отвезти в пункт приема старого металла, и наткнулись на завернутое в простыню тело. Один из мужчин даже потянул за край простыни, чтобы посмотреть... Зрелище не для слабонервных...

Марк стоял и курил в стороне, пытаясь понять, каким образом тело оказалось именно здесь. Судя по состоянию простыни, тело не волокли, скорее всего, его вынесли из машины и положили на землю. Значит, преступление было совершено в другом месте. Девушка была удушена. Изнасилована ли она и прочие подробности он узнает только завтра, и это в лучшем случае. А завтра у него свадьба. Он так долго ждал этого дня, что ему уже и не верилось, что завтра (благосло-

венный день!) он не увидит ни трупов, ни серых и скучных лиц своих измученных коллег, ни испитого лица эксперта-криминалиста... Он откроет глаза и увидит перед собой нежное лицо Риты, зароется в густые теплые локоны и будет целовать ее до тех пор, пока не зазвонит будильник... И начнется самое интересное. Удивительное! Двое взрослых и неглупых людей будут играть спектакль под названием «Свадьба». Наденут свои лучшие костюмы, возьмут в руки букеты роз... Будет звучать музыка, многочисленные гости будут их поздравлять торжественными тостами, дарить подарки...

— Три дня подряд шел дождь, невозможно определить следы... Ни окурков, ни пуговиц, ничего такого, — сокрушался эксперт, ползая по траве в поисках хотя бы каких-нибудь улик. — Девушка словно с неба упала. Хотя, как ты понимаешь, Марк, ее привезли на машине. Но те следы, что на дороге, если вообще можно назвать дорогой эту глинистую колею, уже давно закатаны — рядом поселок... Да и грибников полно.

Но Марк думал о Рите, представляя ее сейчас крепко спящей дома в полной тишине. Она всех попросила не тревожить ее, ска-

зала, что хочет выспаться. И ее можно понять. Занимаясь приготовлениями к свадьбе, она продолжала работать — у нее было два заказа на натюрморты, и она, свободная, что называется, художница, была счастлива, что востребована и что знакомые финны, гостившие в Саратове в прошлом году и купившие у нее тогда фантазийные работы, не забыли ее и, оказавшись снова на Волге, позвонили и заказали ей вполне определенные натюрморты: букеты ромашек и красных роз. Они поговорили еще тогда с Ритой о свободе, что это понятие весьма и весьма неоднозначное, что свобода как таковая, в сущности, никому и не нужна: свобода от любимого человека, от близких, от заказчиков... Человек должен чувствовать себя нужным, любимым, и лишь тот, кто обречен на одиночество, выдумывает себе свободу, как единственное благо... Это был долгий и сложный разговор...

Марк уже в машине вспомнил про убитую девушку, спросил себя, была ли она одинока. Молода, хорошо сложена, красива... Кому понадобилось убивать ее и за что? Ревность? Как часто в последнее время ему приходилось сталкиваться именно с этой причиной. Ревность — мотив номер один, когда

речь идет об убийстве молодой девушки или женщины. Если, конечно, убийца не маньяк. Тогда мотив следует искать в другом месте. Анализировать, что общего между жертвами... Но пока что жертва, слава богу, только одна. И о маньяке думать еще рано. Марк, размышляя таким образом, вдруг поймал себя на мысли, что с каждым годом он делается все циничнее и циничнее, что и к смерти стал относиться более спокойно. Или он заблуждается? Мысли его текли вяло, ему было неприятно думать о мертвой девушке или даже пытаться представить себе ее живой. Надо было хотя бы за неделю до свадьбы взять отпуск, чтобы такие неприятные дела не омрачали общую картину мира в целом. Ведь он женится, причем на любимой женщине, и женитьба — это его желание, он знал, что Рита могла бы спокойно существовать с ним, и не расписываясь. Но не потому, что он законопослушный гражданин, он решил жениться, нет, ему был важен сам факт ее, Ритино, согласия. Она хотела быть ему женой, хотела связать с ним свою жизнь, и это не каприз, это серьезное решение... Или же он был просто несовременен? Как бы то ни было, но завтра их брак зарегистри-

стрируют, будет праздник, их придут поздравить друзья и родственники... Главное, чтобы не заявила бывшая жена, особа эксцентричная и даже жестокая... Но нет, кажется, у нее другой муж, и она вроде бы даже счастлива... Он снова вспомнил про девушку, которую удушили и бросили в посадках. Вот ведь как случается — кому-то понадобилось лишать ее жизни. Словно, исчезнув, она могла бы решить какие-то очень важные проблемы убийцы. Если это ревность, то от нее все равно не излечиваются. И смерть женщины, которая изменила, лишь усугубляет и без того болезненное восприятие жизни. Возможно, мужчина задушил ее в порыве охватившей его злобы, когда застал с любовником. И не всегда ревность, вот что самое обидное, доказывает наличие любви к женщине. Марк иногда спрашивал себя, как бы он поступил, если бы Рита изменила ему, как бы себя повел, если бы застал ее, к примеру, с другим мужчиной. Но, прокручивая опасный ролик воображаемой сцены измены, каждый раз осознавал, что не может досмотреть его до конца: в последних, самых красноречивых кадрах Рита отсутствовала. Словно сама мысль о допустимости ее изме-

ны и предательства тормозила, а картинка становилась прозрачной. И это обстоятельство лишь добавляло Марку уверенности в верности своей возлюбленной.

Он изо всех сил заставлял себя работать, думать о погибшей девушке хотя бы до вечера, до того момента, когда он поднимется по лестнице и возьмется за ручку двери (райское блаженство), но мысли постоянно возвращались к жене. Вернее, к почти жене. Еще несколько часов, и они будут женаты. Он просто с ума сходил при мысли, что завтра он обретет в собственность такую чудесную женщину. Именно в собственность! Главное, чтобы сама Рита об этом не догадывалась. Хотя, кто знает, может, и она тоже воспринимает этот брак, этот черно-белый торжественный фарс, как закрепление своих собственных прав на него самого, на Марка. Ну и пусть. Он с радостью станет ее собственностью...

— Пока не узнаем, кто она, будет сложно... — донеслось до него.

Это говорил его помощник, Лева Локотков. У него-то завтра нет никакой свадьбы. Он свободен от бурной личной жизни, а потому должен постоянно думать о мертвой де-

вушке. (При этой мысли Марку стало особенно стыдно.)

— Представляю, о чем ты сейчас думаешь... У тебя на носу свадьба, а тут труп... — ухмыльнулся Локотков.

Марк не нашелся что ответить. Пожалуй, впервые в жизни он пожалел о том, что выбрал себе такую тяжелую и ответственную профессию. Ведь у этой девочки есть близкие, которые еще и не подозревают, что ее нет в живых. Что какой-то изверг удушил ее своими сильными и грязными лапами. Судя по внешнему виду, хотя и слегка подпорченному следами разложения, девушке было приблизительно двадцать лет, если не меньше. Значит, ее родителям лет сорок или чуть больше. Но все равно это еще вполне молодые люди, которые наверняка строили в отношении дочери нормальные семейные планы: ее замужество, внуки... Стало быть, теперь этих внуков не будет. Хотя, подумал Марк отстраненно, эта девица могла быть и замужем, да и детьми могла уже обзавестись. Нехитрое дело...

Ему вдруг показалось, что он, вместо того чтобы испытывать к убитой девушке чувство жалости, злится на нее, а это уже вооб-

ще никуда не годилось. И причина одна: он не должен был сегодня видеть этот труп. Завтра утром он должен стоять рядом с ослепительно красивой Ритой с абсолютно свежей и не замутненной убийствами головой и думать только о том, как жизнь прекрасна и удивительна...

— Девушка абсолютно голая, — продолжал гундеть Локотков, делая вид, что он «работает». — Значит, можно предположить и характер отношений между нею и убийцей...

— Да брось ты, Левка, успокойся... Пока у нас на руках не будет результатов экспертизы, невозможно о чем-либо говорить... Мы не знаем, изнасилована она или нет...

— Если раздета, то вполне может быть...

— Может, она в ванне мылась, и ее удушили... К тому же ее могла удушить и женщина. Читал нашумевший роман Брасм «Я дышу»? Не представляю, правда, как шестнадцатилетняя девчонка вообще могла написать такое количество страниц, к тому же еще и вполне профессионально, ну да ладно... Так вот, там главная героиня, пацанка, удушила свою лучшую подругу, пока та спала. А ты говоришь — изнасилование... Мы пока ничего не знаем. И самое главное — ее

имя. Кто она такая? Круг ее знакомых. Семья. Молодой человек. Любовник. Или муж.

Марк не выдержал и позвонил домой. Рита должна была уже выспаться. Он непременно должен был услышать ее голос, зарядиться им. Должен был представить ее себе сонную, теплую, в домашнем халате с книжкой в руках... Или с чашкой чая с лимоном. Ему казалось, что сегодняшней день никогда не кончится и что под самый конец рабочего, пусть и ненормированного, дня ему подсунут еще какое-нибудь преступление...

Длинные гудки напрягли его. Локотков говорил еще что-то об убитой девушке, строил какие-то свои предположения на совершенно пустом месте, Марк же думал только о Рите. Позвонил ей на мобильный. И когда она откликнулась и он все же услышал ее голос, тело его сразу обмякло, словно успокоилось, нервы расслабились... Голос у Риты был встревоженный.

— Марк? Что случилось? — Казалось, она была удивлена его звонком.

— Рита, у меня-то ничего. Но вообще-то, конечно, случилось. Я тебе потом расскажу...

Он не мог в служебной машине в присутствии Локоткова рассказывать Рите о своей

работе, об обнаруженном в посадках труп.
Да просто не имел права...

— Труп? — задала она таким же встревоженным голосом наводящий вопрос.

— Да.

— Женский?

— Да.

— Молодая девушка?

— Да.

— Где-нибудь за городом?

— Да. Откуда тебе известно?

— Просто если бы я кого-нибудь убила, то труп постаралась бы спрятать куда-нибудь подальше, в лес, в посадки... Закопала бы. Вот такая кровожадная у тебя невеста.

— У тебя все в порядке?

— У меня — да. А вот с сестрой ничего хорошего. Но это тоже не телефонный разговор. Ты когда приедешь?

— Понятия не имею. Мы сейчас возвращаемся в город, у меня дела, много писанины...

— Натка говорит, что она мужика какого-то прибила, — Рита понизила голос. — Представляешь? Хрустальным графином... или кувшином. Прибежала ко мне бледная, как смерть. Напуганная. Я поехала с ней... Мы в